

«ПЕРЬЯ НА ШЛЯПАХ». ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

Аннотация: Историческая беллетристика порой создает иллюзию, что она является частью исторического просвещения. В действительности историческая беллетристика не может служить целям распространения знаний об истории, поскольку информация, связанная с историческим прошлым, в сферах науки, просвещения и беллетристики функционирует по разным законам. В рамках исторической беллетристики историческая истина не является идеалом. Исключения крайне редки. В основном они относятся к тем случаям, когда историк-профессионал сам берется за перо.

Ключевые слова: историческая беллетристика, просвещение, обучение, исторические знания, познание, истина.

Об авторе: Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 107113, Сокольнический вал, дом 38, кв. 94. volodih@mail.ru

Созданные талантливыми писателями исторические романы, снятые талантливыми режиссерами исторические фильмы, висящие в музеях и на выставках исторические полотна кисти талантливых художников порой отпечатывают в сознании у массовой аудитории сюжеты и вещный мир прошлого намного прочнее, нежели тексты ученых и популяризаторов исторической науки.

Огромная часть образованного класса России знает историю не по учебникам для школы и вуза, а по романам. Французскую историю – по книгам Александра Дюма и Мориса Дрюона, древнегреческую по – Мэри Рено и Любви Воронковой, древнеегипетскую – по Ивану Ефремову, древнеримскую – по Рафаэлю Джованьоли, английскую и шотландскую – по Вальтеру Скотту. Столетняя война отразилась в умах постольку, поскольку

ку прочитан «Белый отряд» Артура Конан Дойля, а война Алой и Белой Розы – «Черная стрела» Роберта Льюиса Стивенсона. И так далее...

Точно так же собственную историю русский образованный человек весьма часто помнит, в первую очередь, по художественной литературе и воспринимает ее через призму классических романов: «Петр I» и «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова, «Батый» Василия Яна, «Русь изначальная» Валентина Иванова... Уж не говоря о том, что багровый лик Пугачевщины проступает в сознании миллионов русских сквозь благородный образ Петруши Гринёва!

Более, публика менее притязательная, но гораздо более массовая, в созидании личного исторического сознания отталивается даже не от исторической беллетристики, а от кинотеатра. Картины «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна, «Чапаев» братьев Васильевых, «Адьютант его превосходительства» Евгения Ташкова или, скажем «Звезда пленительного счастья» Владимира Мотыля заменяют целым поколениям как монографии, так и труды исторических романистов.

Ничего удивительного! Ведь все эти перья на шляпах, кивера, ментики, рыцарские подвиги, приключения плаща и шпаги, путешествия на триерах и фрегатах, шелест бальных платьев в танцевальных залах и гром канонады на сцене больших батальных столь пленительны, что мудрено не поддаться их обаянию.

Василий Осипович Ключевский благородно предположил в современниках рациональное отношение к истории: «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшийся с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения» [9:33]. С не меньшим прекраснодушием Т.Н. Грановский 11 сентября 1848 года объявил своим студентам: «Более, нежели когда-нибудь, история имеет право на внимание в настоящее время. Ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принимать участия в судьбе человечества, нельзя не оглянуться

назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели (смотрим с удивлением)» [6:239]. XX век многое упростил, и вот уже Марк Блок честно признается: «Если даже считать, что история ни на что иное не годна, следовало бы все же сказать в ее защиту, что она увлекательна. Или, точнее – ибо всякий ищет себе развлечения, где ему вздумается, – что она, несомненно, кажется увлекательной большому числу людей... Жажде знаний предшествует простое наслаждение; научному труду с полным сознанием своих целей – ведущий к нему инстинкт... Читатели Александра Дюма – это, должно быть, будущие историки, которым не хватает только тренировки, приучающей получать удовольствие более чистое и, на мой взгляд, более острое: удовольствие от подлинности» [1:7–8]. Уже не ключ к судьбам человечества, но уж хотя бы высокое удовольствие для интеллекта.

И, казалось бы, что же тут плохого? Отчего бы «инстинкт», ведущий через наслаждение сюжетами истории, игрою страстей, полетами духа, изысканностью антуража не приводить любители истории к строгим методам познания или хотя бы – проще! – к твердому знанию о прошлом?

Ответ на этот вопрос не столь прост, как может показаться. «Наслаждение историей» – лукаво. Нередко ведет оно восприимчивую личность по путям, далеким от того, что начертаны Марком Блоком.

Ложные пути, по которым влечет «историческая беллетристика», ложные надежды, которые вызывает она у служителей исторической науки – вот предмет настоящей статьи.

«ВАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЗУЧЕНЫ»

Разумеется, сила яркого образа, созданного даровитым художником слова (живописцем, кинематографистом) такова, что по воздействию своему она превосходит центнеры превосходной научной литературы, равно как и тонны популярной. Такой образ навек ложится в кладовой сердца, от выпцветания и гниения он защищен густой паутиной из тысяч эмоциональных

связей, связывающих его с памятью человека. А запечатленная эмоция, то есть застывшее *личное отношение* индивида к тому, что происходит на страницах книги или же на киноэкране, в подавляющем большинстве случаев намного долговечнее интеллектуальных, логических связей между сознанием, через которое «пропущена» научная работа, и памятью.

Итак, в душе человеческой писатель чаще всего побеждает ученого. Да и преподавательская указка, скажем прямо, также проигрывает перу романиста.

Вот уже век, если не более, таково положение вещей.

И хотелось бы истолковать его ко благу. Вернее, велик соблазн истолковать его ко благу. В самом деле: если художественный образ обладает столь разительным очарованием, если столь податлив для его победительной мощи ум человеческий, отчего же не увидеть в нем превосходный инструмент исторического просвещения? И многие, действительно, хотят использовать силу образного воздействия как своего рода «закрепитель» для исторического знания в массовом сознании образованного класса.

Разумеется, вслед за этим благим пожеланием следует одно разочарование за другим. Как они могли, эти писатели, эти режиссеры так всё исказить?! Как они посмели?! Почему не слушали своих консультантов-ученых? А время от времени вообще обходились безо всяких консультантов!

Такого рода сетования обычно завершаются сакраментальной фразой: «Неужели они не понимают, что по созданным ими произведениям нельзя изучать историю?!» И, далее, следует вердикт: «На них возложена высокая ответственность, а они постоянно срезаются, не оправдывая доверия, дарованного им социумом».

В сущности, историк-ученый видит и критикует разительное противоречие между продукцией издателя (кинематографиста) и собственным профессиональным идеалом. А для исторической науки идеал был, есть и будет только один – истина. Ясно, что достичь его во всей полноте невозможно, и так же ясно, что необходимо двигаться по долгим и, порой, трудным марш-

рутам познания, приближаясь к наиболее полной, наиболее чистой исторической истине. Искажение ее для науки катастрофично во всех смыслах этого слова: вне истины наука бессмысленна, иной идеал для науки по определению невозможен.

Естественно, историк-профессионал гневается, видя погрешение своего идеала, и в праведном гневе укоряет искажителей.

Так вот, подобные укоризны беспочвенны. Точнее говоря, весь подобный подход к исторической беллетристике страдает тяжелым и неустранимым недостатком: непониманием того факта, что *историческая беллетристика не может и не будет служить инструментом исторического просвещения*, за исключением тех редких случаев, когда профессиональный историк сам берется за перо и решает одновременно две задачи: как научную, так и художественную.

Приступая к обоснованию высказанного тезиса, автор этих строк хотел бы привести выдержку из характерного письма от 2009 года.

Далеко не последняя в мире кинобизнеса студия снимала тогда по заказу одного из центральных телеканалов многосерийный фильм об Иване Грозном. Функция официального консультанта на сериале заставила автора этой статьи отправить режиссеру и продюсеру ряд замечаний. С чем-то они согласились, а что-то сочли для себя неприемлемым и объяснили свою позицию в послании от имени «автора идеи и сценария». Нет смысла называть здесь студию и автора письма, важна суть его: «Данным письмом я подтверждаю, что при создании сценария телевизионного художественного сериала NN для канала N мною были допущены отклонения от реальных исторических событий XVI века... Ваши замечания и предложения... по устранению неточностей были изучены, однако окончательное решение я принимал, руководствуясь художественной целостностью истории и персонажей. Прошу меня извинить. С уважением, имярек».

Документ – яркий, ясный до прозрачности, и, в то же время, информационно ёмкий. В нескольких словах очерчена ситу-

ация, с которой историку-профессионалу приходится сталкиваться постоянно, когда он выходит за пределы академической и университетской науки с иллюзиями, что кинематография, издатели художественной литературы и т.п. могут послужить его планам устроить историческое просвещение правильным образом.

Историку-энтузиасту моментально дают понять простую истину: «У вас свои цели, а у нас свои».

И вот на этом имеет смысл остановиться подробнее.

КАК ПОГИБ ГИЙОМ ДЕ ЛАМАРК

История – общественная наука.

Врата ее храма всегда распахнуты настежь для социальных запросов. Без связи с социумом ее существование теряет смысл.

Если исключить из числа потребителей исторического знания ученых, это самое знание производящих, то вся оставшаяся масса так или иначе на протяжении всей жизни сталкивается с историей, но не задается вопросами «откуда мы это знаем?», «корректно ли изложено то, что мы прочитали (увидели по TV)?», «где кончается факт и начинается домysel?». Подавляющее большинство людей интересуется интеллектуальным товаром, то есть знаниями, четко сформулированными, уложенными в определенную схему, упрощенными под восприятие неспециалистов, иными словами, развешанными, упакованными, уложенными с ценниками по магазинным полкам.

В самом деле, каковы на общественном уровне основные каналы информации, связанной с прошлым?

Роль основного канала играет школа и высшее учебное заведение. Школьник и студент получают «кубики» параграфов, скомпонованные методистами и министерскими экспертами. Дидактическая форма бытования исторического знания крайне упрощена и в конечном интеллектуальном продукте всегда оформляется так, чтобы оказать на учащегося заранее запрограммированное педагогическое воздействие, сплошь и рядом сопряженное с воздействием идеологическим.

Одним из главных каналов является потребление художественной или игровой продукции. Иными словами, чтение исторических романов, просмотр фильмов, телепередач или и спектаклей на исторические темы, использование компьютерных программ, где так или иначе задействован антураж старины или древности и т.д. Как уже говорилось выше, порой историческое знание в художественной форме обладает столь яркой образностью, столь разительной артистичностью, что читатель (зритель) усваивает родную историю гораздо глубже и прочнее по нему, нежели по учебнику. Иногда и факты бывают изложены романистом или, скажем художником – автором батального полотна, абсолютно верно. Но фактическая точность *в принципе* никогда не была сильной стороной художественной истории. Ведь в этом секторе исторического знания иные параметры приоритетны: самовыражение автора и прибыль от продаж. Хотелось бы напомнить: «Художественная целостность истории (т.е. сюжета) и персонажей...» в данной сфере важнее истины.

Как поступали зубры исторической беллетристики, самые знаменитые ее представители, работая над своими творениями? Использовали исторический материал как глину, необходимую для работы над сюжетом, над личностями персонажей, нисколько не стесняясь несоответствиями фактов тому руслу, по которому запущено течение романа.

Вот, например, знаменитое взятие Льежа в романе Вальтера Скотта «Квентин Дорвард»: апофеозом его становится гибель Гийома де Ламарка по прозвищу Арденнский вепрь. Но настоящий Гийом де Ламарк пережил взятие Льежа в 1468 г., долгое время правил землями Льежского епископства и был казнен лишь семнадцатью годами позднее при совершенно иных обстоятельствах. Знал ли об этом Вальтер Скотт? Конечно, знал, ибо пользовался «Мемуарами» Филиппа де Коммина, где история борьбы за Льеж изложена с большой подробностью.

Но для писателя истина литературная – истина возвышенных чувств, т.е. истина общественного идеала XIX в. – оказалась выше и важнее истины исторической, истины судеб Франции

XV в. Возбудить «наслаждение историей», пользуясь терминологией Марка Блока, этот роман, вне всякого сомнения, способен; но можно ли видеть в нем «историческое просвещение»? Или, выразимся резче, хотя бы крупницу «исторического просвещения»? Вот уж вряд ли...

В этом смысле пейзаж с родными березками и осинками ничуть не отличается от ландшафта с французскими замками, а повествование о блеске богатырских шлемов во время битвы за Русь редко бывает правдивее повествования о блеске мушкетерских шпаг в отчаянных столкновениях парижских бретёров.

Взять хотя бы прославленный фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский»: несколько поколений очарованных зрителей твердо верили в историчность гибели тяжелобронных рыцарей в водах Чудского озера. Верили, несмотря на то, что исторические источники ни о чем подобном не сообщают, а истребление рыцарского воинства путем его утопления перенесено режиссером в 1242 год из 1234-го, когда, действительно, часть немецкого отряда ушла под лёд на реке Омовже. Никого не смутит тот факт, что на Омовже русскими силами командовал не Александр Невский (его в ту пору еще и Невским-то не называли), а его отец князь Ярослав Всеволодович. Чего не сделаешь ради яркости батальной сцены!

Иные каналы – историческая часть государственной идеологии, программные произведения политических партий и общественных движений, статьи публицистов, продукция, призванная популяризировать научное знание, музеи, разного рода справочники и энциклопедии¹ – связаны с потребностью человека в сознательном «достраивании» собственной личности. Иными словами, когда человек ставит перед собой задачу самоидентификации (я – русский, что это такое? я – коренной ро-

¹ Сюда же входит фолк-хистори – ветвь публицистической литературы, рядящаяся в научные одежды, но в действительности представляющая собой шоу, «поставленное» на квазиисторических подмостках и лишь невнятно перекликающееся с реальной историей – например, книги М.Аджи и А.Фоменко.

стовчанин, что это такое? я – профессор Московского государственного университета, что это такое? я – немец Поволжья, что это такое?), сознательно и активно интересуется историей своей земли, своего народа, желает обрести «ориентацию во времени» – так же, как обладает он ориентацией в пространстве, он прибегает к перечисленным выше источникам. Вести себя подобным образом его заставляет естественная надобность в самопознании, соотношении себя с социумом и встраивании себя в социум.

Р.Дж. Коллингвуд смысл существования истории в целом свел именно к удовлетворению этой надобности. По его словам, «...история – [существует] “для” человеческого самопознания. Принято считать, что человеку важно познать самого себя, причем под познанием самого себя понимается не только познание человеком его личных особенностей, его отличий от других людей, но и познание им своей человеческой природы. Познание самого себя означает, во-первых, познание сущности человека вообще, во-вторых, познание типа человека, к которому вы принадлежите, и, в-третьих, познание того, чем являетесь именно вы и никто другой. Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях» [11:13–14]. Люсьен Февр, мыслитель с совершенно иными представлениями о методологии истории, тем не менее, в какой-то степени вторит Коллингвуду: «История – это ответ на вопросы, которые неизбежно встают перед современным человеком. Это объяснение сложных ситуаций, в которые он попадает; зная их причины, он уже не будет действовать вслепую» [12:46]. В наши дни обстоятельства бытия высокой русской культуры таковы, что «история» в понимании Коллингвуда и Февра оказалась расчленена на историю научную и историю популярную; индивид, пытаясь аккумулировать материал для самопознания тянется ни к первой, ни ко второй, а к художественной литературе и, особенно, к разного рода идеям, проецируемым с верхних ярусов политического Олимпа, с вершин не-

зависимых «мозговых центров» и с площадок медийных опло-тов, специализирующихся на исторической публицистике. Здесь его, разумеется, ожидает не меньший субъективизм, что вызвано приоритетами идейного программирования масс со стороны интеллектуальных и политических элит социума.

Конечно, еще Николай Михайлович Карамзин высказал благое пожелание относительно роли истории в обществе: «Правители, законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратко-временна... Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государ-ственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали по-добные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разруша-лось; она питает нравственное чувство и праведным судом сво-им располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества» [7:7]. Но с тех пор твердым достоянием общественного мнения сделалось то, что история ничему политические элиты не учила, не учит и не научит, ибо страсти сильнее разума. Что же касается запросов образованно-го класса, «простых граждан», то в материалах, заготовленных для них «сверху», всегда и неизменно обнаруживается более сиюминутной пропаганды, чем пищи для утешения или же вос-питания нравственного чувства.

Таким образом, историческое знание, вышедшее за преде-лы строго научного сектора, живет по законам тех интеллекту-альных страт, а также тех маркетинговых стратегий, в рам-ках которых оно используется. В большинстве случаев истори-ческую реконструкцию (воссоздание прошлого) делают профес-сиональные историки, а пользуется ею популяризаторы (наилучший вариант) и любители, в том числе Тряпичкины раз-ного рода. Таким образом, в момент перехода исторического знания в состояние «накрытия» им общественного запроса, оно всегда субъективизируется.

Такова третья и последняя стадия субъективизации исторического знания, поступающего в социум (первые две: субъективизация при создании исторического источника и при его истолковании историком-ученым) [10:105; 5:12–20].

СЧАСТЛИВЫЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ, РЕДКИЕ, КАК ЭТРУССКИЕ ЗЕРКАЛА

Так много ли в подобных условиях остается на долю «историческому просвещению», иными словами, распространению точного, выверенного знания об историческом прошлом? Знания, которое добыли профессионалы, используя критический аппарат науки, навыки источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин?

Почти ничего.

В виде исключения можно назвать лишь редкие случаи, когда за перо берется сам академический (или же университетский) историк, обнаруживший в себе литературный дар. Сохраняя в неизыблемости собственный профессиональный идеал истины, он использует весь доступный ему арсенал художественных приемов. Казалось бы, чего желать еще? Наилучший вариант – с точки зрения задач «исторического просвещения».

Но – увы! – подобное соединение художественного таланта и строгой научной подготовки встречается крайне редко.

В качестве примера можно назвать, скажем, советского историка Древнего мира и, в частности, этрусколога А.И. Немировского, доктора исторических наук, основателя кафедры истории древнего мира и древних языков в Воронежском государственном университете. Профессиональные знания он использовал, чтобы создать ожерелье известных исторических романов: «Пурпур и яд», «Слоны Ганнибала», «За столбами Мелькарта». В книге «Этрусское зеркало», получившей широчайшую популярность, Немировский удачно соединил научный и научно-популярный текст с художественными миниатюрами «живой истории», своего рода «ожившими тенями».

Другой пример, относящийся уже к нашему времени, –

творчество О.И. Елисеевой, кандидата исторических наук, преподавателя МосГУ, в прошлом – старшего научного сотрудника ИРИ РАН. Ее перу принадлежит целый ряд превосходных романов, «поставленных» на материале трех царствований: Екатерины II, Александра I и Николая I. Но в современном русском историческом романе Елисеева, с ее академической культурой и колоссальным кругозором, почти одинока...

Остается сделать вывод: историческая беллетристика в подавляющем большинстве случаев совершенно не годится на роль инструмента исторического просвещения. Она способна, разве что, по-блоковски, дарить «наслаждение историей» и пробуждать будущих историков к «более чистому наслаждению».

БРОНЕНОСЕЦ «УНАРЕЛИЯ»

Но, допустим, в самом факте негодности исторического романиста к должности автора учебника ничего скверного нет. Истории не следует учиться по романам и художественным фильмам, для этого существуют учебники. А самым правильным, можно сказать, легитимным инструментом «исторического просвещения» должны служить труды популяризаторов или, говоря языком советской эпохи, научпоп.

Скверно то, что популярная историческая литература проходит в современной русской культуре через аэродинамическую трубу, ее трясет, ее нежадно вертит, выдувая то полезное, что она несет в себе и добавляя фальшивую начинку.

На первый взгляд, в сфере популярной исторической литературы у России есть весомые достижения, притом достижения, что называется, «свежие». Новые идеи, новые способы работы. И тут навыки беллетриста оказались в высшей мере ценным даром для историописателя.

Полтора-два десятилетия назад умные люди предсказывали: традиционное историописание уходит в прошлое. Оно агонизирует в науке, умерло и уже разлагается в популярном жанре.

«Ученый перестанет искать строгую логику решительно во всем. Его логика станет эластичной, подчиненной эмоцио-

нальной выразительности. Объективированному изображению мира будет противопоставлено его художественное воссоздание, ставящее эмоции и переживания выше соблюдения внешнего правдоподобия. Историсофские опыты станут сплавом науки с литературой и искусством... Произойдут изменения самого научного ряда: старший и младший жанры, старшая и младшая линии развития науки. Монография постепенно утратит былую важность, сдаст господствующую позицию и отойдет на второй план. Ее место займут историсофские опыты... Салон XVII–XVIII вв. – вот зримый образ науки будущего, ориентированный не только на удовлетворение профессиональных интересов относительно узкого круга специалистов, но и на запросы более широких слоев читателей, слушателей и зрителей», – так писал тогда С.А. Экштут [13:273–274]. «Если история как набор полужасушенных социологических закономерностей... исчезает, то на смену ей должен прийти иной доминирующий тип историописания. Как и на Западе, в нем будут превалировать "знаточеские" конкретные штудии, порой раздражающие своей фрагментарностью, вырванностью из сколько-нибудь широкого контекста. Писать, правда, будет принято намного веселее и интереснее, чем сейчас, хотя бы из соображений рекламы... Теперь за читателя вне пределов узкого круга специалистов... придется побороться – у того есть много приятных способов провести время, так стоит ли, например, выключать видео ради какого-то исторического сочинения. Тяжеловесные монографии классического типа, вероятно, несколько потеряют в значении, а статьи и исторические эссе, напротив, станут более уважаемыми жанрами исторической прозы...», – так вслед за Экштутом говорил М.А. Бойцов [2:164].

Да и автор этих строк предсказывал на заре «нулевых»: «Как бы отвратительно это ни звучало для уха профессионального историка, его ремесло в настоящее время обязано быть конкурентоспособным на рынке интеллектуальной развлекательной продукции» [2:120]. Историкам придется сделать шаг навстречу умственным запросам общества. Иначе говоря, оку-

нуться в «социализированную историю» – историю, чутко улавливающую интеллектуальные нужды социума [3:36-46].

Что исполнилось?

Прежде всего, то, о чем пророчил С.А. Экштут.

Научно-популярная литература стала превращаться в *научно-художественную*. Для 80-х и 90-х суть хорошего научпопа на 100% исчерпывалась лозунгом просветительского проекта «Энциклопедия для детей»: «Просто о сложном, интересно о важном». Финита! Добавить нечего. Но эта незамысловатая картинка меняется и уже, можно считать, изменилась.

Во-первых, сам язык подобного рода литературы чем дальше, тем больше дрейфует от унылой академщины к цветущей речи художественного произведения. Во-вторых, правилом хорошего тона становится включение в популярные книги по истории развернутых метафор, полноценных литературных образов. В-третьих, сегодня автору дозволяется, вернее сказать, от автора почти что требуется вставлять вольные философские рассуждения в популярный текст, который прежде не нагружался ничем, помимо научной информации, поданной в облегченном виде. Любая историческая тема – биография великой личности, судьба народа, города, обычая – ныне стремится принять форму эссе.

Для американского или, скажем, английского «традиционного историка» (не-клиометриста и не-структуралиста) художественный элемент в работе – важная и, фактически, неотъемлемая часть ремесла (вообще, литература и история в английском и американском интеллектуальном сообществе стоят гораздо ближе, чем у нас, можно сказать, произошло их глубокое взаимопроникновение). Иначе неммыслимым становится то, что «традиционные историки» считают естественным результатом своего коллективного творчества, – влияние на умы, созидание культурной традиции или, лучше сказать, высокой культуры [15:54, 63–64; 14:237–246]. У нас процесс восстановления этих естественно присущих истории функций начался относительно недавно, в 1990-х, и по сию пору разворачивается в ритме тор-

жественно-неспешного менюэта, но все же не стоит на месте.

Знаменитейшие книги серии ЖЗЛ пишут не историки, а литераторы. «Пастернак» Дмитрия Быкова становится бестселлером не хуже какого-нибудь зубодробительного боевика. Алексею Варламову вручают Национальную литературную премию «Большая книга» за работу «Алексей Толстой», стыдливо назвав ее «документальным романом». В действительности это популярное биографическое издание, вышедшее в той же серии ЖЗЛ. Писатель-*фантаст* Эдуард Геворкян публикует книгу «Цезарь» – аналогичного жанра, хотя и в другой серии, – и удостоивается Карамзинского креста.

Наконец, широкую популярность обретает «Зимняя дорога» Леонида Юзефовича – одного из лучших писателей современной России, в прошлом... получившего степень кандидата исторических наук. Книга представляет собой документально-художественное повествование, в фокусе которого стоят биографии двух военачальников времен Гражданской войны: белого генерала А.Н. Пепеляева и краскома И.Я. Строда.

Разница между работой историка и писателя в этой сфере постепенно размывается и в России. Писатель учится профессиональным навыкам ученого, ученый нарабатывает умение создавать тексты с писательской виртуозностью. Происходит взаимопроникновение двух творческих сфер – немыслимое по прежним временам дело.

Особенно хорошо это видно по историко-художественным биографиям.

В исторической литературе биографизм развивается бешеными темпами, побивая иную тематику. Монография традиционного типа уступает дорогу биографическому очерку, а сам этот очерк всё больше и больше напоминает не беллетризированное исследование, а крупное историософское эссе. Любопытно: биографический жанр переходит в галоп, в то время как убийственный издательский кризис заставляет фантастику, детектив, детскую литературу сменить рысь на вялое трюханье.

В научпоп, или, по-новому, в «научхуд» на протяжении

«нулевых» пришло несколько крупных фигур. Это прежде всего та же Ольга Елисеева, Мария Залесская, Сергей В. Алексеев, профессор Вячеслав Козляков. Ну а те, кто раньше осознал неотвратимость перемен, к настоящему времени выросли в персоны медийного уровня. Это прежде всего Николай Сергеевич Борисов и тот же Семен Аркадьевич Экштут.

Итог: в русской литературе ныне работает целая плеяда сильных авторов, собранных на пяточке того самого «научхуда», а не где-нибудь еще. За их публикациями внимательно следит читательская аудитория. Их книг ждут как большого события. Ими гордятся, их обличают, о них спорят. По преимуществу это умельцы биографического письма и счастливые обладатели превосходного литературного языка.

Ну а теперь пора добавить бочку дёгтя к ложке мёда.

Всё хорошо? У нас есть поводы гордиться?

Лишь отчасти...

Все достижения нашего «научхуда» – лишь вершина айсберга. А по ватерлинии ледяной горы, у поверхности холодной темной водицы, – совсем другие картины. И от них страшно.

Ни для кого не секрет, что ежедневно в сеть отправляются мегатонны литературы самого разного качества, оцифрованные с бóльшим или меньшим тщанием. Чаще всего – с меньшим, ибо даже тексты древних законов *на университетских сайтах* пестрят чудовищными ошибками. Что уж говорить о 90-х гг., когда программы распознавания требовали усидчивого редактирования оцифрованных текстов. Редактировали их тогда? Ну разумеется... время от времени. Безденежье знаете ли. Работы много, жалованье маленькое. А у кого энтузиазм, тот летит вперед, не замечая жертв и разрушений, оставленных за кормой, – энтузиастам не до мелочей. Иному энтузиасту, знаете ли, очень хочется упразднить редактуру.

Именно так, из текста, оцифрованного в неистовых 90-х, и родился боевой корабль «Унарелия» – бывший эскадренный броненосец «Цесаревич» с героической судьбой, оказавшийся перемолотым в стальных зубах чудовищной небрежности. А раз

попав на страницы издания по военно-морской истории, могучий корабль «Унарелия» перебирался из одного текста в другой путем лихого копипастинга. И вот уже три... пять... десять... «высокопрофессиональных» текстов открыты для плавания этого филологического артефакта.

«Унарелия» далеко не одинока в своих дальних героических плаваниях. Иногда к причалу Британских морей приходит лорд Хурхель, премьер-министр и лауреат Нобелевской премии. Махая экипажу броненосца платочком, он тем же платочком утирает потом горячие слезки – что сделал с его славной фамилией переводчик! Но у лорда Хурхеля хоть происхождение понятно. Порой же в гости к нему заходит сельтский вождь Мооревер. Этот – вообще странная личность. Он родился у исторического небытия от брака с английским словом *moreover*, нагло затесавшимся в текст о британских древностях. Обоим на зависть фамилию русского царя Ивана, прозванного за свирепость «Васильевич», никто никогда не путает: все знают, что по фамилии он был Грозный. На протяжении долгого царствования он успел изгнать хазар из Казани, свергнуть половецкое иго и прорваться на Балтику. По ходу прорыва, правда, спохватился, обнаружив, что у России выход к Балтике уже есть... Как же так? Ведь Петр I, который тоже туда прорывался, родится только через полтора века! Откуда ж у нас выход-то к Балтийскому побережью? Не могли же мы позднее его потерять, ведь наши войн не проигрывают! Странное дело. Впрочем, стоит ли поворачивать полки из-за такой мелочи? Раз уж послали русскую армию в сторону Балтики, пусть громит она в течение четверти века Польско-Ливонский орден... Но если имя первого русского царя известно всем и каждому, то возраст его для многих – загадка. Известный писатель и сценарист сообщает всему свету: отрок Ваня, который через много лет станет государем Иваном Васильевичем, оказывается, водил дружбу с отроком Федей, который в будущем сделается Филиппом, митрополитом Московским. Никого не смутило, кажется, что первый младше второго... на 23 года.

Допустим, все эти перлы выросли из простого невежества переводчиков, из практики копипастинга, да еще из умов тех блистательных личностей, которые молятся на Википедию, как на источник истины в последней инстанции. Казалось бы, приставь к делу хорошего редактора, и проблемы моментально исчезнут...

Если бы! Порой в нашем научпопе по вине рафинированных редакторов встречается *подлинно изысканное сумасшествие*. Точнее сказать, по вине издательского руководства, находящего правильным адаптировать старых специалистов к условиям текущего момента.

Вот элементарный просветительский текст: «Издавна в таежной зоне России водились лоси. По мнению специалистов, их количество (следует цифирь) было в таком-то веке столь значительным, что встреча с этим животным считалась у наших предков обычным делом...» Текст не хорош и не плох. Он – проходной. Сверху поступает указание: убрать цифирь – слишком сложно! Убрали. Следующее указание: укоротить предложения! Больше 15 слов читателю в голову не полезет. Укоротили. Следующее указание: слова «наши предки» – неполиткорректны! У всех предки разные, возможно, предки читателя никогда не посещали таежную зону. Редактор задумчиво смотрит на результат своей работы и чувствует: вероятно, здесь что-то не так, но думать уже поздно, ведь по плану завтра книгу пора сдавать...

Вот он, волшебный результат правки: «Лось обычен в тайге».

Что ж... могло быть и хуже.

Вот текст по истории спорта: «Нападающий имярек хоккейной команды такой-то 14 мая 1994 года получил травму. Ему пришлось надолго отказаться от участия в ответственных матчах – столь сильно тревожили его боли в ноге». Не слишком ли тяжело воспринимает читатель даты? Зачем его грузить днем, месяцем, годом? К чему мельчить! Уж если и говорить о хронологии, то лишь в категориях столетий, тысячелетий... Так не заменить ли хронологическую мелочевку на века? Отлично! Итог: «У хоккеиста имярек на исходе XX столетия заболела нога».

Идиотизм имеет обыкновение принимать сладостные формы...

Оба примера взяты из будней одного крупного издательства. Бог ему судья, называть его нет желания.

Как ныне делается очередной томик популярной истории? Разухабистый «мастер» зажигательной халтуры подает издателью заявку: «Готов написать о Наполеоне, Тамерлане, Сталине, Шекспире, Гильгамеше, Ахматовой, а еще про Бородинское сражение, плавание Колумба, тайны майянского календаря и первые полеты в космос». Ему отвечают: «У нас в плане стоит книга про Ивана Калиту. Сможете?» – «Н-да... – с серьезным лицом отвечает “мастер”, – Сложная тема. У меня по ней наработок нет. Так что придется вам подождать моей книги целых две недели. Буду собирать материал, осмыслять, творить...»

Разговор, собственно, не выдуманный, а подслушанный. И если кто-то улыбнулся шутке, пожалуйста, выверните улыбку наизнанку – шутки не было.

«Мастер» идет домой, забирается в сеть и клекает из четырех старых книжек новую, пятую. Клекает за четыре дня. Затем выжидает десять суток, и отправляет файл издателю – не хочет оставить впечатление несерьезного, торопливого человека... «Шедевр» попадает на рабочий стол редактору. А тому, бедняге, за месяц надо сдать 100 книг. По четыреста рублей за книгу, если равномерно распределить между ними редакторскую (неплохую!) зарплату. Ему, как в старом анекдоте, «некогда думать, работать надо!» На финише верстальщик, которому тоже надо сдать за месяц невообразимое количество макетов, теряет все ссылки, весь курсив и всё предисловие...

Кто виноват? Отчасти – никто, рынок.

Отчасти же – сами ученые. Для большинства историков академического склада работа над популярными текстами – либо «денежная халтурка», либо вещь в принципе невозможная: ни желания, ни умения. В обоих случаях она слишком многими воспринимается как нечто второсортное, отвлекающее от «настоящего» интеллектуального творчества. Лишь считанные

единицы высококлассных специалистов готовы уделять ей время. Что же, когда благородные доны брезгают замарать ручки, место, принадлежащее им по праву, занимают простые ребята из серой гвардии. А История, формально считаясь общественной дисциплиной, на деле отдает самый важный канал связи с социумом корыстолюбивым мизераблям.

Для подведения итогов напрашиваются печальные слова... Сколько фальшивых путей для исторического просвещения! Сколько фальшивых упований на его силу – там, где ее в принципе быть не может!

Но автору этих строк вовсе не хотелось пропеть поминальную песнь над гробом исторического просвещения. Правильнее воспринимать статью как своего рода вызов. Современному русскому историку не стоит возлагать благие чаяния на живительную силу исторической беллетристики. Если есть желание просвещать, надо заниматься этим самостоятельно. Засучить рукава и написать такой исторический роман, который не будет противоречить правде исторических фактов; написать такую популярную книжку, где не найдется ссылок на Википедию и компиляции публицистических статей из сети. Только самому! Иных путей нет, надеяться не на кого. Да и не положены историку заместители.

Литература

1. Блок М. Апология истории. М., 1986.
2. Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Историк в поиске. М., 1999.
3. Володихин Д.М. Для кого пишет историк // Историк в поисках адресата. М., 2012.
4. Володихин Д.М. Призрак третьей книги (методологический монизм и глобальная архаизация) // Историк в поисках адресата. М., 2012. Впервые опубликовано в 2002 году.
5. Володихин Д.М. Теория источниковедения // Историческое

- обозрение. М., 2005. Вып. 6.
6. *Грановский Т.Н.* Средняя история // *Грановский Т.Н.* Лекции по истории Средневековья. М., 1986.
 7. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 2004. Кн. 1.
 9. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.
 10. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
 11. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории // *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
 12. *Февр Л.* Лицом к ветру // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.
 13. *Экитут С.А.* Манифест историософского маньеризма // *Экитут С.А.* На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. М., 1998.
 14. *Burke P.* History of Events and the Revival of Narrative // *New Perspectives on Historical Writing* / Ed. By *P. Burke*. University Park, Pennsylvania, 1994. 3rd printing.
 15. *Fogel R.W.* "Scientific" history and traditional history / *Fogel R.W., Elton G.R.* Which Road to the Past? Two Views of History. New Haven-London. 1983.